

С Т А Т Ь И

РОССИЯ И ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080001846-7

ПЕКИНСКАЯ ШКОЛА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ТУНВЭНЬГУАНЬ
И ПРЕПОДАВАНИЕ В НЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА
(1862–1902)

© 2018

П. А. ЛАПИН

Посольство Российской Федерации в Китае
wajiao2000@mail.ru

Резюме: В 1862 г. в Пекине была открыта первая в Цинской империи школа иностранных языков современного образца Тунвэньгуань. Началось формирование новой системы образования, которая была ориентирована на подготовку практических кадров, способных осуществлять реформы, проводившиеся в Китае со второй половины XIX в. Большое внимание администрацией школы уделялось преподаванию русского языка, влияние которого на это учреждение, особенно в ранний период его существования, было особенно ощутимым. Использовался богатый опыт, накопленный местными властями при организации образовательного процесса в Школе русского языка Дворцовой канцелярии, основанной еще в 1708 г. В новом учебном заведении на регулярной основе преподавали русские учителя, благодаря усилиям которых была подготовлена первая группа профессиональных китайских русистов.

Ключевые слова: империя Цин, Пекинская школа иностранных языков Тунвэньгуань, преподавание русского языка в Китае, китайские русисты, гуманитарные связи.

Для цитирования: Пекинская школа иностранных языков Тунвэньгуань и преподавание в ней русского языка (1862–1902). *Восток (Oriens)*. 2018. № 5. С. 6–20. DOI: 10.31857/S086919080001846-7

BEIJING FOREIGN LANGUAGE SCHOOL TUNG WEN KUAN 同文馆
AND TEACHING OF THE RUSSIAN LANGUAGE (1862–1902)

Pavel A. LAPIN

The Russian Embassy in China
wajiao2000@mail.ru

Abstract: The first modern foreign language school in the Qing Empire, Tung Wen Guan 同文馆, was set up in Beijing in 1862. Since then the formation of a new education system had begun. The school focused on the training of practical personnel who were able to work for the benefit of the reforms conducted in the Qing Empire in the late nineteenth century. The school authorities paid high attention to teaching the Russian language whose influence on the Tung Wen Guan was quite strong since its foundation. They used rich experience gained by the local authorities during organization of the education process in the Russian language school under the Cabinet opened as early as 1708. Thanks to the Russian teachers who taught at the Tung Wen Guan on a regular basis, the first group of Chinese experts in the Russian language and literature was trained.

Keywords: Qing dynasty, Beijing foreign language school Tung Wen Guan, teaching of the Russian language in China, Chinese experts in the Russian language and literature, humanitarian ties.

For citation: Lapin P.A. Beijing foreign language school Tung Wen Guan 同文馆 and teaching of the Russian language (1862–1902). *Vostok (Oriens)*. 2018. No. 5. Pp. 6–20. DOI: 10.31857/S086919080001846-7

Открытие пекинской Школы иностранных языков Тунвэньгуань (кит.: 京师同文馆, *Цзинши тунвэньгуань*) стало знаковым событием в истории Китая Нового времени. С ее появлением связывают зарождение в Цинской империи современного практического образования, в основе которого лежали передовые европейские знания и научные теории. Приобретенный благодаря открытию школы административный опыт широко использовался при организации сети учебных заведений, специализировавшихся на преподавании иностранных языков и современных гуманитарных, технических и военных наук.

Школа Тунвэньгуань была образована в период вовлечения во второй половине XIX в. слабеющей империи Цин в систему колониальных международных отношений. Регулярные контакты с иностранными державами, решение международных споров путем отправки за рубеж китайских дипломатических миссий предполагали наличие при китайском дворе людей, знавших иностранные языки. Требование организации подготовки переводчиков было заложено и в международные соглашения, подписанные Китаем с иностранными державами. Так, по условиям Тяньцзиньского договора между Китаем и Англией (1858 г.) документы, направлявшиеся англичанами китайской стороне, должны были готовиться на английском языке с приложением – на временной основе – их перевода на китайский язык. Китайская сторона обязывалась обеспечить для своих дипломатов и писарей изучение английского языка, чтобы впоследствии именно на нем вести переписку с англичанами [*Чжунвай цзю юэчжан хуэйбянь*, 1957, с. 102].

С целью обеспечения взятых на себя обязательств и одновременно с учетом личной потребности в подготовке профессиональных переводчиков один из инициаторов движения по “усвоению заморских дел” (кит.: 洋务运动, *Яньву юньдун*), князь Исинь (奕訢)¹, в 1861 г. дал указание “губернаторам провинции Гуандун, Шанхая и других мест направить в Пекин понимающих иностранные языки людей, снабдив их книгами [на языках] этих государств². Выбрать среди восьмизнаменных служивых людей способных отроков в возрасте до 13–14 лет и определить их на учебу” [*Чоубань цу шимо...*, 2008, т. I, цз. 8, с. 342]. Этот указ китайского придворного послужил формальным основанием для открытия Тунвэньгуань³.

Началась проработка вопроса найма иностранных преподавателей, в связи с чем князь Исинь обратился в Британское посольство с просьбой порекомендовать наставника. Прошение было поддержано, и в качестве учителя английского языка миссия напра-

¹ Князь Айсиньгёро Исинь (1833–1898) – выдающийся политик позднего периода династии Цин, шестой сын императора Даогуана, занимал высокие посты в Военном совете (кит.: 军机处, *Цзюньцзичу*) и Главнo-управляющем ведомстве по делам всех государств (кит.: 总理各国事务衙门, *Цзунли гээго шу юэнь*).

² По другим документам, этот призыв был обращен к английским, французским и американским торговым людям, которые вели коммерческую деятельность в Гуанчжоу и Шанхае. Предлагалось выбрать из них четырех достойных представителей для последующей отправки в качестве преподавателей в Пекин [Biggerstaff, 2003, с. 37].

³ В китайской историографии, изданной на английском языке, школа именовалась The Imperial Translators' School, The Imperial School for Combined Learning, The Government Interpreters' School, The Imperial Tung Wen College или просто School of Interpreters [Гу Вэйсин, 2004, с. 143; Лю Хуа, 2004, с. 29; Люй Да, 1988, с. 69; Liu Kwang-Ching, 1966, с. 26].

вила английского миссионера Джона Ш. Бёрдона (John Shaw Burdon)⁴, которому при обучении слушателей категорически запрещалось вести проповедь (хотя это и противоречило Тяньцзиньскому договору). Вскоре был приглашен учитель китайского языка Сюй Шулинь (徐樹琳) [Ли Лянью, Чжан Жишэн, Лю Ли, 1988, с. 18]. Первые подготовительные мероприятия были завершены, и летом 1862 г. император Тунцзи утвердил указ об открытии Тунвэньгуань [*Чжунго цзиньдай сюэцжи шиляо*, 1983, с. 6–7]⁵. Учебное заведение разместили в здании нового Главноуправляющего ведомства по делам всех государств (образовано в 1861 г.) [Люй Да, 1988, с. 69]⁶.

Первоначально в школе было открыто лишь отделение английского языка, на которое зачислили десятерых слушателей. На следующий год заработали отделения французского и русского, в 1872 г. – немецкого, а в 1896 г. – японского языков. В 1867 г. начали работу отделения астрономии и математики [Сы Хунчан, 2006, с. 89; Ян Жунцзюнь, 2002, с. 29].

Формировалась законодательная база учебного заведения. В 1862 г. был принят первый устав Тунвэньгуань, состоявший из шести статей, в 1885 г. – второй устав, который дополнил предыдущий документ [*Чжунго цзиньдай цзяюй ши цзясюэ цанькао цыляо*, 1986, с. 27–29; ГНБ КНР, ЗДА (1), 1875–1908, л. 7–9; ГНБ КНР, ЗДА (2), 1875–1908, л. 1–6]. Кроме того, на регулярной основе разрабатывались различные инструкции, регулировавшие деятельность этого учреждения [Чэнь Сяньян, 2011, с. 88].

Работу школы обеспечивал штат административных служащих. Руководили ею главный управляющий сановник (кит.: 总管大臣, *цзунгуань дачэнь*) и его заместитель – специальный управляющий сановник (кит.: 专管大臣, *чжуаньгуань дачэнь*). Конкретные функции выполняли два распорядителя (кит.: 提调, *тидяо*) и их заместители. Служащие на младшие должности назначались из числа чиновников Главноуправляющего ведомства по делам всех государств. Общее число работников достигало 9–11 человек [Сы Хунчан, 2006, с. 90].

Регламентами определялось зачисление в школу детей служивых “восьмизнаменной” армии в возрасте до 15 лет, обладавших талантами и владевших маньчжурским языком [*Чжунго цзиньдай цзяюй ши цзясюэ цанькао цыляо*, 1986, с. 27]. В 1867 г. в связи с учреждением отделения астрономии в Тунвэньгуань начали набирать учащихся старше 20 лет, владевших китайским и маньчжурским языками и имевших ученую степень *цзюйжэнь* (“вознесенный” – кандидат, сдавший экзамен *кэцзюй* провинциального уровня). По уставу заведения 1885 г. возрастной ценз был определен окончательно и составил 15–20 лет.

Первоначально в учебное заведение зачислили 24 человека. Позже число слушателей, принимаемых в школу, увеличилось: в 1887 г. там обучались 120 человек [там же, с. 40], в 1888 г. – 125, что стало максимальным количеством учащихся за всю историю

⁴ Джон Шоу Бёрдон родился в 1826 г., окончил Англиканский миссионерский колледж (Anglican Mission College), в 1852 г. по линии Британского церковного миссионерского общества был командирован в Китай для ведения проповеднической деятельности. С 1851 по 1861 г. работал в Шанхае, Ханчжоу, Шаосине, Нинбо. В 1862 г. прибыл в Пекин, где был принят в Тунвэньгуань, но отработал чуть более года и в 1864 г. вернулся в Лондон. На следующий год вновь приехал в китайскую столицу в качестве священника британского посольства. В 1872 г. отозван в Лондон, откуда на следующий год выехал с новым назначением в Гонконг, где проработал до 1897 г., после чего сложил с себя церковный сан и отправился в Европу. Скончался в 1907 г.

⁵ Школа Тунвэньгуань заложила основу для формирования новой системы образования. До 1894 г. было открыто 37 специальных учебных заведений, которые можно разделить на три категории: “во-первых, школы иностранных языков (таковых было 7), целью которых была подготовка переводчиков и дипломатических служащих; во-вторых, технические учебные заведения, где преподавались корабельные, производственные, навигационные, электромеханические, медицинские, горные специальности, и, в-третьих, военные академии, готовившие руководящий военный состав” [*Чжунго цзяюй ши яньцзю*, 2009, с. 57; Чжао Пугэнь, 1999, с. 94–95].

⁶ Учреждение располагалось в четырех одно- и двухэтажных зданиях по адресу: Танцзы хутун, 49. В настоящее время памятник культуры и архитектуры городского значения.

существования учреждения [Biggerstaff, 2003, с. 41]. Практиковалось прикомандирование слушателей из других языковых школ, например из Шанхайской и Гуанчжоуской: с 1868 по 1899 г. по этой квоте в пекинскую школу были зачислены 74 абитуриента [Ван Айай, 2008, с. 56]. Часть обучавшихся поступала по линии ведомства по делам всех государств.

Зачисление осуществлялось по результатам вступительных испытаний, содержание которых определялось в соответствии с выбранной претендентами специальностью. Например, для зачисления на отделения астрономии и математики необходимо было демонстрировать хорошие знания этих наук, быть старательным, иметь ученую степень *цзюйжэнь*. При приеме учеников в 1885 г. требования были существенно снижены: следовало лишь показать элементарные знания иностранного языка, который преподавался в школе и который абитуриент планировал изучать⁷. Вступительные сессии не были регулярными, и за всю историю существования Тунвэньгуань организовывались всего пять раз (в 1862, 1867, 1870, 1878 и 1885 гг.).

Первоначально срок обучения составлял три года. Однако после открытия в школе ряда специальных отделений, с 1876 г., он был увеличен до восьми лет⁸. В зависимости от состава группы предусматривалось изучение одного иностранного языка (английский, русский, французский, немецкий или японский) и ряда дисциплин гуманитарного и технического профиля⁹.

Свои знания ученики подтверждали на экзаменах – ежемесячных, квартальных, годовых и выпускных. Ежемесячные экзамены проводились в первый день месяца по лунному календарю, квартальные – в первые дни второго, пятого, восьмого и одиннадцатого месяцев. Во время квартальных экзаменов ежемесячные не проводились. Годовые экзамены организовывались до десятого дня десятого месяца [У Сюань, 2003, с. 55]. По итогам каждого экзамена учащихся распределяли по разрядам. Получивших хорошие результаты премировали: первым двум выдавали по четыре лян серебра¹⁰; трем учащимся, сдавшим по второму разряду, – по 2 лян серебра [Ван Айай, 2008, с. 57]. Тот, кто успешно сдавал выпускные экзамены, получал седьмой ранг, но на должность не назначался. Лишь после повторной сдачи он получал должность старшего делопроизводителя (кит.: 主事, *чжюши*; начальная чиновничья должность в государственных ведомствах;

⁷ Это обстоятельство повысило интерес к школе со стороны китайских подданных. На сдачу вступительных экзаменов были записаны 394 абитуриента, 108 из которых с успехом прошли испытания и были зачислены [Ван Айай, 2008, с. 56].

⁸ Существовал и пятилетний учебный план, который не включал программу трехлетнего изучения иностранного языка. Зачисленные на такие курсы слушатели занимались изучением только специальных предметов [Чжан Луин, 2009, с. 91].

⁹ На первом курсе ученики постигали иностранную азбуку и основы словообразования. На втором переходили к изучению основ грамматики и составлению предложений. На третьем им преподавались география, история зарубежных стран и основы перевода. На четвертом ученики постигали основы математики и алгебры, практиковались в переводе официальной переписки. На пятом изучали основы естествознания, геометрию, тригонометрию и занимались переводами. На шестом велось преподавание механики, дифференциальных интегралов, навигационных расчетов и перевода. На седьмом переходили к изучению химии, астрономии, международного права и практиковались в переводах. Наконец, на последнем, восьмом, году обучения ученики продолжали заниматься астрономией, постигали географию металлов и материалов, изучали основы политики иностранных государств и закрепляли навыки перевода [Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзяосюэ цанькао цзыляо, 1986, с. 31–32].

¹⁰ Основной денежной единицей в Цинском Китае был серебряный лян. Один стандартный (или таможенный) лян весил 37,7 г. Серебро изготавливалось казенными литейными мастерскими в виде слитков *юаньбао*, весом до 50 лянов; в ходу также были средние (10 лянов) и мелкие (5 лянов) слитки. Более распространенной денежной единицей был медный *цян*. *Цянь* представляли собой монету с отверстием посередине, куда вдевали шнурок; так собиралась связка *цяней*, насчитывавшая 1 тыс. таких монет. Обычно для удобства в использовании одна связка делилась отдельной завязкой на две связки, которые, в свою очередь, делилась на сотенные связки. Одна тысячная связка *цяней* по официальному курсу равнялась одному серебряному ляну.

сотрудники, служившие на этой позиции, занимались канцелярской работой, переводами, были писарями) [ГНБ КНР, ЗДА (2), 1875–1908, л. 3об].

Проверке знаний учащихся уделялось большое внимание, целью экзаменов было определить не только качество приобретаемых знаний, но и способность учащихся овладевать знаниями в принципе. Так, в 1867 г. на отделения астрономии и математики из 72 претендентов были зачислены 30 человек. После проведения через полгода очередного месячного экзамена стало понятно, что и набранные ученики не способны качественно изучать предметы курса. Был организован повторный экзамен, по результатам которого 20 учащихся были отчислены, а десять оставшихся поровну направлены на языковые – английское и французское – отделения [Ван Айай, 2008, с. 57].

Столь требовательное отношение к ученикам отчасти объяснялось низким культурным и образовательным уровнем первых абитуриентов. “Занятия в Тунвэньгуане посещали не более половины учащихся и лишь 20–30% из них учились усердно”, – указывали современники [Biggerstaff, 1961, с. 146]. Даже будучи слушателями новой школы, учащиеся продолжали считать изучение западных наук бесперспективным делом, а приобретаемые знания – лишними. Во второй половине XIX в. еще сохранялось стереотипное представление о том, что единственным способом продвинуться по лестнице социальной иерархии и занять высокие посты в империи была сдача традиционных экзаменов на получение ученой степени, не имевшей ничего общего с новым образованием.

Содержание экзаменов определялось конкретным периодом работы учебного заведения. Вначале, когда в школе в основном преподавали иностранные языки, итоговая аттестация заключалась в проверке умения переводить¹¹. Позже, по мере открытия неязыковых отделений и увеличения количества учебных дисциплин, на итоговые экзамены выносили более широкий круг заданий. Сами экзамены становились более трудными и объемными: например, в ходе годовой аттестации в 1872 г. ученики держали испытание по математике, химии, алгебре, медицине, а в 1873 г. к этим дисциплинам добавились астрономия и теория международного права [Чжунго цзиньдай цзяюй ши цзыляо хуэйбянь, 2007, с. 132–137].

Учащиеся получали от школы ежемесячную стипендию, размеры которой в 1895 г. составляли 3 лян серебра, а за хорошие результаты некоторым из них выплачивали премию в размере 6 лян серебра (насколько регулярно ее выдавали, источники не указывают) [Чжунго цзиньдай цзяюй ши цзяосюэ цанькао цзыляо, 1986, с. 48–49]. Средства на одежду и питание ученикам выделяли “знамена”, командировавшие их на учебу [там же, с. 29]. Было предусмотрено казенное питание: “Вода и еда были превосходными, – вспоминал ученик Тунвэньгуаня Ци Жушань (齐如山), – один стол был на шестерых человек, еды было четыре больших блюда и шесть больших плошек¹². Летом давали фрукты и кашу из листьев лотоса, зимой – горячий горшок-самовар *хого*” [там же, с. 49]. В весеннее полугодие занятия начинались в 10 часов, в осеннее – в 9 часов утра. При входе в школу учащиеся отмечались в специальном журнале; те, кто опаздывал или вовсе не приходил, подвергались административному наказанию. В течение месяца было предусмотрено шесть выходных дней. Ученикам предписывалось с уважением относиться к преподавателям и административным работникам школы, заслушание или неповиновение учащихся отчисляли [там же, с. 33–34, 36].

¹¹ Способ выявления уровня знаний при этом был довольно оригинальным: китайский преподаватель на свое усмотрение произносил фразу, которую ученик переводил на иностранный язык уже иностранному учителю, который, в свою очередь, записывал услышанное на иностранном языке и переводил это на китайский язык уже китайскому преподавателю. Экзамен считался пройденным, если оба предложения совпадали [Чжунго цзиньдай цзяюй ши цзыляо хуэйбянь, 2007, с. 100].

¹² То есть, судя по описанию, каждому полагалась тарелка риса или лапши и четыре блюда основной еды.

Большое внимание уделялось формированию преподавательского состава. Были учреждены должности старшего преподавателя (кит. 总教习, *цзун цзяоси*), преподавателя (кит. 教习, *цзяоси*) и заместителя преподавателя (кит. 副教习, *фу цзяоси*) [там же, с. 32]. Количество преподавательских должностей в уставе прописано не было и, видимо, определялось по мере формирования учебных групп. Основная педагогическая нагрузка ложилась на преподавателя и его помощника: они должны были “усердно обучать, следить за поведением учеников” и о нарушении ими порядка сообщать распорядителю, который совместно со старшим преподавателем принимал решения по дисциплинарным взысканиям [там же, с. 36]. На должности преподавателя власти старались принять лучших представителей, и на их поиск администрация школы не жалела ни времени, ни средств. В 1868 г. с целью укомплектования лишь одной вакантной должности преподавателя двор направил запросы сразу в четыре провинции (Чжили, Шаньдун, Шаньси и Хэнань) [*Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзыляо хуэйбянь*, 2007, с. 65].

В школе работали китайские и иностранные преподаватели. В истории школьного дела в Китае Тунвэньгуань стала первой государственной школой, в которой количество постоянно работавших иностранных педагогов было сопоставимо, а иногда и превышало число местных учителей. На языковые отделения принимались исключительно иностранные преподаватели из находившихся в Пекине священнослужителей, сотрудников дипломатических миссий, врачей [Чэнь Сянъян, 2007, с. 80]¹³. За свою работу они получали ежегодное жалованье в размере от 500 до 1 тыс. лян серебра [там же, с. 61], тогда как китайский преподаватель получал лишь 96 лян серебра в год [Ся Дунюань, 1992, с. 150]. Администраторы были вынуждены установить столь высокий уровень оплаты труда иностранных учителей, так как в ином случае “никто не хотел наниматься на службу [в школу]” [там же].

Самой яркой фигурой среди иностранных специалистов, работавших в Тунвэньгуане, считается американский миссионер Вильям Мартин¹⁴. Священнослужитель был принят в школу в качестве преподавателя английского языка в 1865 г., в 1868 г. получил назначение на должность старшего преподавателя. Вышел в отставку в 1895 г. [*Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзыляо хуэйбянь*, 2007, с. 66, 120]. Работая в школе, Мартин зарекомендовал себя не только как высококласный преподаватель “западных наук”, переводчик, но и как прекрасный организатор. Он усердно трудился над тем, чтобы превратить Тунвэньгуань в многопрофильное учебное заведение, где совмещалось бы преподавание иностранных языков и специальных дисциплин: при его поддержке были введены курсы международного права, математики, физики, химии, физиологии, медицины, астрономии. Продвигая идею западного образования, основанного на синтезе теории и практики, в 1876 г. американец инициировал открытие первой в Китае химической лаборатории и научного музея, а в 1888 г. приступил к созданию обсерватории и физической лаборатории [Лю Хуа, 2004, с. 26; Liu Kwang-Ching, 1966, с. 27].

¹³ С 1862 по 1898 г. в школе работали 64 иностранных преподавателя, в то время как китайских было всего 44 [*Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзыляо хуэйбянь*, 2007, с. 71–72, 176–178]. Иностранные наставники преподавали не только языки, хотя таких было большинство, но и другие предметы школьного курса (астрономию, химию, математику, медицину). Их образовательный уровень был довольно высоким: восемь из них имели докторскую степень, а трое – магистерскую [Лю Хуа, 2004, с. 27]. Были, правда, среди них и специалисты с весьма низким профессиональным уровнем: “В Тунвэньгуань преподавал один англичанин по имени Оливер – довольно резкий и зазнавшийся человек, который не только не обладал знаниями, но, наоборот, был почти безграмотным”, – характеризовал иностранного наставника упомянутый выше Ци Жушань [Гу Вэйсин, 2004, с. 156; *Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзяосюэ цанькао цзыляо*, 1986, с. 46].

¹⁴ Вильям Мартин (William Alexander Persons Martin, китайское имя: Дин Вэйлян (丁韋良), 1827–1916). О его деятельности до назначения в Тунвэньгуань см., например: [Liu Kwang-Ching, 1966, с. 12–24].

Вовлечение Китая в международные дела требовало от местных дипломатов знания международного права. Наиболее авторитетным изданием в то время считалась работа американского юриста Генри Витона (Henry Wheaton, 1785–1848) “Элементы международного права” (Elements of International Law, кит. 国际法原理, *Гоцзи фа юаньли*), изданная в США в 1836 г. [*Вань го гунфа*, 2003, с. 6 (введение)]. По запросу двора фрагменты этого труда были переведены на китайский язык главой китайских императорских морских таможен (Imperial Maritime Customs of China) англичанином Робертом Хартом (Robert Hart; на службе в Китае – с 1863 г.). В 1862 г. Мартин продолжил перевод, закончив его в 1864 г. Издание получило название “Вань го гунфа” (кит. 万国公法, досл. “Общее право десяти тысяч государств”) [там же, с. 6 (введение)]. Пособие было направлено во все центральные ведомства и морские порты, где велась торговля с иностранцами [Liu Kwang-Ching, 1966, с. 25]. В целом за время службы в Тунвэньгуань Мартин перевел, отредактировал и издал 11 книг [Хэ Дацзинь, 2005, с. 81]. Среди них – сочинения американских, французских и английских авторов по экономике, теории дипломатии, политэкономии, математике и физике [Liu Kwang-Ching, 1966, с. 29].

Вильям Мартин внес значительный вклад в модернизацию Тунвэньгуань. Его методы обучения и подготовленные материалы получили широкое применение в Пекинском университете (1898 г.), основание которого стало одним из важнейших результатов реформаторского движения в Китае в конце XIX в. Мартин скончался в Пекине в конце 1916 г., отдав службе в Поднебесной более 60 лет своей жизни.

Администраторы Тунвэньгуань старались сделать из школы максимально автономную учебную структуру, создавая на ее базе дополнительные подразделения вспомогательного характера. Были открыты типография¹⁵, переводческий и редакционные отделы. Целью этих подразделений являлись перевод, адаптация и издание учебной литературы, ее введение в научный и педагогический оборот. По разным данным, в Тунвэньгуань было издано от 16 до 36 наименований переводной научно-учебной литературы по гуманитарным, естественным и филологическим наукам [Чжан Хуэйли, 2010, с. 43–44]. Учитывая потребности Китая в новых технических знаниях, технологиях и научных теориях, можно сказать, что шаг этот был чрезвычайно важным. Сама практика перевода была включена в процесс обучения, т.е. школа не только обеспечивала свои потребности в современных дидактических материалах, но и предоставляла слушателям возможность совершенствовать навыки перевода и работы с первоисточником на иностранном языке¹⁶. Ученики перевели 16 изданий и значительный объем материалов, заимствованных из иностранной прессы [У Сюань, 2003, с. 58–59; Юй Лэй, 2010, с. 72]. Эти книги пополняли школьный библиотечный фонд, в котором в конце 1870-х гг. насчитывалось более 4.5 тыс. изданий, 2.1 тыс. из которых представляли собой книги на иностранных языках и около 1 тыс. – книги на китайском, посвященные техническим наукам [ГНБ КНР, ЗДА, 1896, л. 61; Лю Хуа, 2004, с. 25].

В Тунвэньгуань было организовано преподавание русского языка, оказавшего большое влияние на работу всего учебного заведения. Дело в том, что именно наш язык стал первым европейским языком, обучение которому было организовано в Пекине еще в

¹⁵ Типография была оснащена передовым оборудованием: функционировали семь типографских станков с четырьмя видами наборных шрифтов китайских иероглифов и латиницы (русского шрифта, по-видимому, не было). По техническим характеристикам она превосходила даже императорскую типографию [Лю Хуа, 2004, с. 25–26].

¹⁶ Деятельность школы по переводу иностранных научных изданий была частью кампании по заимствованию в Китае иностранной передовой научной мысли. Приблизительно в тот же период, с 1843 по 1860 г., европейские священнослужители и китайцы, владевшие иностранными языками, в Гонконге, Гуанчжоу, Фучжоу, Нинбо, Шанхае и Сямэне в общей сложности перевели и издали 434 книги, 106 из которых являлись научными изданиями, остальные – книгами религиозного толка [Пэн Фэйчан, 1998, с. 201].

1708 г. в специально открытой Школе русского языка при Дворцовой канцелярии (кит.: 内阁俄罗斯文馆, *Нэйгэ элосы вэнь гуань*; расформирована в 1862 г.). Приобретенный за более чем полтора века опыт управления Русской школой был впоследствии использован при открытии Тунвэньгуань. Учебную деятельность в новом учреждении первоначально предполагалось строить с учетом нормативной базы Школы русского языка, что было зафиксировано в первом уставе Тунвэньгуань [*Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзяосюэ цанькао цзяляо*, 1986, с. 27–29].

Важной задачей на этапе становления отделения русского языка стало укомплектование его преподавателями. По итогам аттестации, проведенной в марте 1862 г. среди китайских учителей Школы русского языка (два старших преподавателя и три помощника преподавателя), в Тунвэньгуань был направлен лишь один из них – Го Шичунь (国世春), который, впрочем, “лишь немного знал [русский] язык” [*Чжунго цзиньдай сюэчжэ шиляо*, 1983, с. 3]. После своего назначения Го Шичунь активно включился в работу, “принимал месячные, квартальные и годовые экзамены”, совмещал преподавательскую деятельность с административной, став главным куратором всех трех языковых отделений, обеспечивал порядок среди учеников [*Чоубань цу шимо...*, 2008, т. IV, цз. 37, с. 1562–1563]. На русском отделении также преподавал учитель китайского языка. Первым на эту должность в 1863 г. по рекомендациям Ведомства обрядов (кит. 礼部, *Либу*) и училища Гоцзыцзянь (кит. 国子监, конфуцианское Училище “Сынов Отечества”) был назначен уроженец провинции Хэнань некий Ян Имин (杨亦铭) [там же, т. II, цз. 15, с. 657]. Ежемесячное жалованье учителя было весьма скромным и составляло всего 8 лянов серебра [там же, с. 658].

Еще до официального открытия русского отделения Главноуправляющее ведомство по делам всех государств дважды обращалось в Российское посольство с просьбой порекомендовать сотрудника миссии на должность преподавателя: “Член китайского Министерства иностранных дел, – писал в декабре 1862 г. в российский МИД российский министр-резидент Л.Ф. Баллюзек, – просил меня вторично дать им положительный ответ, смогут ли они надеяться на назначение учителя русского языка ко времени открытия школы” [*АВПРИ*, ф. 161, II-12, оп. 52, д. 1, л. 1]. Российские власти проявляли большую заинтересованность в направлении своего представителя в школу, ведь было “понятно, что из них, которые обучились у нас и имели случай сойтись в мире с русскими, впоследствии всегда будут предпочитать нас остальным иностранцам и держать нашу сторону. Приготовление таким образом некоторого числа людей не лишено своей важности и в политическом отношении... так как со временем легко могут очутиться во главе управления” [там же, л. 5–5 об.].

При выборе будущего наставника из числа россиян Петербург исходил из того, что “для успешного образования учеников недостаточно одного знания китайского языка, но требуется человек способный, могущий подготовить будущих приверженцев России” [там же, л. 6 об.]. Наиболее подходящей кандидатурой на эту должность оказался выпускник Санкт-Петербургской духовной академии, член Четырнадцатой Российской духовной миссии в Пекине, переводчик Российского посольства титулярный советник Афанасий Ферапонтович Попов (1829–1870)¹⁷.

В апреле 1863 г. А.Ф. Попов был назначен на должность преподавателя отделения русского языка Тунвэньгуань. Однако не отработав и полугода, он был вынужден временно вернуться в Россию, в связи с чем у пекинских администраторов вновь возникла проблема найма преподавателя из россиян. Чтобы отъезд россиянина не произвел “на китайцев дурного впечатления, дав им повод подумать, что мы преднамеренно желаем

¹⁷ Подробно о нем см.: [Хохлов, 2009, с. 76–87].

отнять у них средства образовывать своих переводчиков”, на должность учителя был временно рекомендован иеромонах Духовной миссии Александр Кульчицкий [там же, л. 4].

Проработав в школе несколько месяцев, Попов успел приобрести некоторый педагогический опыт, который описал в “Записке об училище русского языка и положении при нем учителя из русских”, переданной им в Азиатский департамент 18 марта 1864 г. во время пребывания в Петербурге. Рассуждая о роли русского учителя, он писал: “Положить начало распространению в Китае русской науки и знаний, приготовить противодействие неблагоприятному для нас будущему, упрочить существовавшие до сих пор мысли о нас китайцев, – все это задача настоящего времени, и она падает на русского учителя” [там же, л. 10].

Завершив все дела в российской столице, А.Ф. Попов в начале января 1865 г. вернулся в Пекин, где вновь, уже на постоянной основе, начал преподавать в Тунвэньгуань. “В феврале я вступил в должность учителя по приглашению китайцев” [ГАРФ, ф. 730, оп. 1, д. 3695, л. 16]. В ноябре 1869 г. он подготовил новую “Записку о китайских училищах и положении при них русского учителя” [АВПРИ, ф. 161, II–12, оп. 52, д. 1, л. 64–75]. В ней А.Ф. Попов дал всестороннюю оценку преобразованиям, проведенным в школе; говорил об открытии новых учебных отделений, приглашении иностранных преподавателей, работу которых он в целом оценивал весьма низко, указывая, в частности, что некоторые из них “только числятся и получают жалование” [там же, л. 66–66 об.].

Для школьной администрации это был первый опыт приглашения российского преподавателя, что требовало разработки различных инструкций, способных обеспечить максимально эффективную работу иностранца в заведении. Заложенные в годы работы А.Ф. Попова в школе административно-правовые основы педагогической деятельности впоследствии не менялись, лишь отчасти уточняясь с учетом преобразований, проводившихся в самом учебном заведении (открытие новых отделений, изменение учебного плана).

С учетом принятого распорядка дня российский преподаватель посещал Тунвэньгуань через день (как и остальные иностранные наставники), хотя и это давалось весьма непросто, так как приходилось “ездить, совершая туда и обратно переезд в 15 верст” [ГАРФ, ф. 730, оп. 1, д. 3695, л. 21]. При назначении россиянина на должность местные администраторы выразили желание, чтобы он не только преподавал родной язык, но и “знакомил учащихся с географией, математикой, историей и даже астрономией” [АВПРИ, ф. 161, II–12, оп. 52, д. 1, л. 9]¹⁸. Первоначально ученики занимались исключительно русским языком и переводом. После открытия новых специализированных отделений и введения с 1876 г. восьмилетнего курса обучения перечень школьных дисциплин расширился. Приоритетными по-прежнему оставались занятия по русскому языку: первые три года слушатели обучались только языку, а в последующие пять лет чередовали посещение языковых занятий с изучением специальных дисциплин.

Слушатели русского отделения учились усердно и старательно: “Успевают отлично, порядочно понимают разговор и составляют фразы, недурно переводят с русского на китайский. На экзамене в прошлом году они оказались лучшими из всех трех училищ (отделений русского, английского и французского языков. – П.Л.)” [ГАРФ, ф. 730, оп. 1, д. 3695, л. 16]. Неплохие результаты учащиеся продемонстрировали и на выпускных экзаменах, первая серия которых состоялась в 1865 г. [Чоубань цу шимо..., 2008, т. II, цз. 32, с. 1355]. На них особо отличились три человека: получившие шестой ранг Фань Сюйлян (范绪良) и Хао Шуцзи (郝树基)¹⁹ и сдавший по высокому разряду Янь Шуэнь

¹⁸ В 1863 г. на отделение русского языка были зачислены десять человек [Чжунго цзиньдай цзяоюйши цзыляо хуэйбянь, 2007, с. 60].

¹⁹ В 1899 г. Хао Шуцзи в составе второй группы китайских учащихся был направлен в Россию для обучения в Петербургском учительском институте, став одним из первых китайских студентов, командированных по государственной линии для обучения в нашей стране [ЦИА СПб, ф. 412, оп. 1, д. 888, л. 22].

(閻澍恩) [Хао Шуся, 2004, с. 61]. Школьная администрация, надо думать, была удовлетворена достигнутыми результатами, так как за свою работу русский учитель получил премию в размере 200 лянв серебра [Чоубань цу шимо..., 2008, т. IV, цз. 38, с. 1602]. В 1868 г. были организованы вторые трехлетние экзамены, результаты которых оказались еще более успешными. В письме директору Восточного департамента Н.П. Игнатьеву в феврале 1869 г. А.Ф. Попов писал: “Недавно по училищу был у нас главный экзамен – за трехгодичный срок: давали переводить бумаги с русского на китайский и обратно. Из семи старших учеников²⁰ четверо удостоились шариков (элемент головного убора, демонстрирующий принадлежность человека к чиновничьему сословию. – П.Л.)” [ГАРФ, ф. 730, оп. 1, д. 3695, л. 21]²¹.

После введения восьмилетнего курса обучения программа преподавания русского языка расширилась. На выпускной экзамен выносились довольно сложные задания, например нотная переписка между китайскими ведомствами по российско-китайской проблематике [ГНБ КНР, ЗДА, 1887, л. б/н.; ГНБ КНР, ЗДА, 1896, л. 48].

Кроме урочной работы, ученики были заняты разнообразной внеклассной деятельностью, связанной с изучением русского языка: занимались переводом,²² в составе китайских посольств выезжали в Россию, где практиковались в устном и письменном языке²³.

²⁰ В 1869 г. на всех курсах русского отделения обучались 18 учеников [Чжунго цзиньдай сюэчжи шилуо, 1983, с. 210].

²¹ Данные Журнала Тунвэньгуань (кит. 同文馆题名录, *Тунвэньгуань тиминлу*) позволяют установить количество учащихся русского отделения, сдававших восьмилетний экзамен, а также годы проведения сессий. Так, в 1879 г. по русскому отделению экзамен сдавали 15 человек, в 1888 – 17, в 1893 – 13, в 1898 г. – 22 учащихся [Хао Шуся, 2004, с. 59].

²² Еще в 1845 г. российские власти передали в дар Цинскому двору большую партию книг. Это были “лучшие сочинения по части российской истории, географии, статистики, сельского хозяйства, также сочинения, относящиеся до военного искусства, до математики, астрономии, медицины, естественной истории, различные литературные произведения” [Хохлов, 1979, с. 20–21]. Довольно продолжительное время книги оставались неизученными, и лишь в 1885 г. учащийся русского отделения Бань До составил каталог сохранившихся к тому времени 682 томов российских изданий, разнеся их по 18 категориям [Сяо Юйцю, 2008, с. 39–40]. Кроме того, китайский учитель русского языка Би Гуйцэ (毕桂策) совместно с учениками русского отделения в 1887 г. перевел и издал книгу по истории России (кит. 俄国史略, *Эго шилуо*), которая позже была включена в перечень учебных материалов отделения [ГНБ КНР, ЗДА, 1887, л. 33 об.]. В 1888 г., после учреждения в Тунвэньгуань переводческого бюро, четыре китайских преподавателя русского отделения (Такшина (塔克什讷), Бакотанна (巴克他讷), Жуйань (瑞安) и Цин Цюань (庆全)) были определены туда в качестве переводчиков [ГНБ КНР, ЗДА, 1896, л. 82].

²³ В 1868 г. из Китая в Европу была направлена первая дипломатическая миссия, которую возглавил американский посланник США в Китае Ансон Бурлинггейм (кит. имя Пу Аньчэн (蒲安臣), 1820–1871). Делегация состояла из 21 человека, включая двух учеников русского отделения Тунвэньгуань (переводчик восьмого ранга китайского “полного синего знамени” Такэшэнна и переводчик восьмого ранга китайского “синего знамени с каймой” Гуй Жун) [Чжан Дэи, 1981, с. 25]. Группа вернулась в Шанхай осенью 1871 г., посетив Японию, США, Британию, Францию, Германию, Бельгию, Италию и Испанию. С февраля по март 1871 г. посольство находилось в Санкт-Петербурге, где ряд ее членов встретились с российским монархом Александром II [Чжэн Шичан, Ли Яси, 2001, с. 10–11]. С целью урегулирования илийского вопроса и российско-китайского территориального размежевания в Сяньцзяне в декабре 1878 г. в Санкт-Петербург прибыла дипломатическая делегация под руководством министра Главноуправляющего ведомства по делам всех государств Чун Хоу (崇厚). В состав группы входили 20 человек, включая шестерых переводчиков, среди которых были переводчики русского языка (уже посещавшие Россию чиновники Ведомства финансов Гуй Жун (桂荣) и Такшина, а также двое учащихся Тунвэньгуань – переводчик восьмого ранга Гэн Шань и переводчик девятого ранга Гёре Фулянь). После завершения переговоров (в октябре 1879 г. был подписан Ливадийский договор) посольство вернулось в Китай [Чжан Дэи, 1986, с. 640]. В 1880–1881 г. в Санкт-Петербурге находилось китайское посольство во главе с Цзэн Цзицзэ (曾纪泽), который по указу китайского монарха был назначен “Чрезвычайным Посланником и Полномочным Министром при дворе Его Величества Императора Всероссийского, снабженным особыми полномочиями для подписания [Санкт-Петербургского] договора в качестве Чрезвычайного Посла”, – договора, фактически заменившего ранее подписанный и не ратифицированный китайской стороной Ливадийский договор. Переводчиками миссии были Такшина, Гуй Жун и Цин Чан [Воскресенский, 1995, с. 128, 136].

“Два лучших ученика отправились с китайским посольством в Европу, – сообщал А.Ф. Попов. – Они часто пишут мне письма и пишут так недурно, что не всякий воспитанник гимназии пишет так” [ГАРФ, ф. 730, оп. 1, д. 3695, л. 21].

За свою работу российский учитель получал довольно приличное жалование, причем как от китайских, так и от российских властей. Еще при зачислении А.Ф. Попова на должность преподавателя ведомство по делам всех государств установило размер вознаграждения в 500–600 ляннов серебра в год²⁴, от российских властей наш преподаватель получал гораздо больше – “высочайшим соизволением” было выделено “до тринадцати тысяч рублей серебром в течение четырех лет [начиная с 1864 г.] на содержание русского преподавателя”, причем средства предлагалось заимствовать из ассигнований на “устройство военных сил в Китае” [АВПРИ, ф. 161, II–12, оп. 52, д. 1, л. 10б., 22]. Размер годового жалования учителя составлял 2500 рублей серебром [там же, л. 76].

После А.Ф. Попова²⁵ 16 февраля 1870 г. на должность преподавателя был назначен студент Духовной миссии, титулярный советник К. Вебер, проработавший в этом качестве до 1 января 1871 г. [там же, л. 81]. До расформирования Тунвэньгуань российская сторона направляла в учебное заведение поочередно еще 10 своих преподавателей, обеспечивая бесперебойную работу в нем носителей русского языка [Чжунго цзиньдай цзяюйши цзыляо хуэйбянь, 2007, с. 177].

Благодаря усилиям российских преподавателей и администрации школы в ней было организовано качественное преподавание русского языка, что позволило обеспечивать подготовку высокопрофессиональных кадров, способных работать в интересах модернизации китайского государства.

Большое внимание уделялось вопросам назначения выпускников русского отделения школы на должности в государственном аппарате. В связи с тем, что подготовка профессиональных русистов лишь началась, важно было обеспечить преемственность профессии в рамках самой школы. С первых лет работы учебного заведения особо одаренных выпускников оставляли для работы в Тунвэньгуань или назначали на учительские должности в других школах, в том числе и за пределами Пекина, где преподавался русский язык. Наибольших успехов добились выпускники Шао Хэнцзюнь (绍恒浚), начавший карьеру в переводческом бюро Тунвэньгуань и дослужившийся до директора Училища русского языка при Министерстве иностранных дел Китайской Республики (кит. 民国外交部俄文专修馆, *Миньго вайцзяобу эвэнь чжунаньсю гуань*), и первые учителя Хуньчуньской, Тяньцзиньской и Синьцзянской школ русского языка (кит. 珲春俄文书院, *Хуньчунь эвэнь шуюань*; 天津俄文馆, *Тяньцзинь эвэнь гуань*; 新疆中俄学堂, *Синьцзян чжунъэ сюэтан*) Мао Хунъюй (毛鸿遇), Лю Чунхуэй (刘崇惠), Гуй Чун (桂崇) и преподававший в Хубэйской школе “самоусиления” (кит. 湖北自强学堂, *Хубэй цзыцян сюэтан*) Цин Цюань (庆全) [ГНБ КНР, ЗДА, 1896, л. 38–38 об.; ГНБ КНР, ЗДА, 1911, л. 7; ГНБ КНР, ЗДА, 1916, л. 30]. В самой пекинской Тунвэньгуань в разное время преподавали Бакэтанна (巴克他讷), Гуй Цэ (桂策), Саинту (萨荫图), Ли Хунмо (李鸿谟) [ГНБ КНР, ЗДА, 1887, л. 4 об., 33 об.; ГНБ КНР, ЗДА, 1896, л. 5, 16 об.].

Кроме работы преподавателями, выпускники русского отделения Тунвэньгуань служили на различных постах в Пекине и провинциях²⁶, выполняли дипломатическую рабо-

²⁴ В 1864 г. размеры жалования российского преподавателя увеличились до 1 тыс. ляннов серебра в год [АВПРИ, ф. 161, II–12, оп. 52, д. 1, л. 13].

²⁵ А.Ф. Попов скончался в Пекине 15 февраля 1870 г.

²⁶ С учетом профессиональной ориентации деятельность некоторых выпускников была связана с внешнеполитическими контактами. Так, русисты Ван Чунь, Фань Сюйлян, Чэнь Сицзюнь, Фу Янсянь служили в китайском МИДе. Фань Цигуан, Чжан Циндун и Лю Чунчжун – комиссарами в китайской торговой слободе Маймайчэн, возведенной китайцами близ российской Кяхты. Би Гуйцэ стал руководителем Кашгарского

ту в китайских консульских учреждениях за рубежом, в том числе в России²⁷, работали на новых производствах²⁸. Сходная ситуация в распределении специалистов была и на других языковых отделениях²⁹.

Школа Тунвэньгуань как самостоятельное учебное заведение просуществовала до 1902 г., когда решением двора в качестве переводческого отделения (кит. 翻译科, *фаньйи кэ*) была включена в состав Пекинского университета, образованного четырьмя годами ранее. Не исключено, что причиной расформирования школы стало понижение качества ее работы, в том числе и отделения русского языка. Как в конце 1890-х гг. писал упомянутый выше учащийся школы Ци Жушань, “некоторые слушатели учили русский язык по 6–7 лет. Военный совет как-то решил провести экзамены, по итогам которых выяснялось, что ученики даже русскую азбуку не могут произнести на память. Чиновники [Военного совета] пришли в негодование, отправили в Главноуправляющее ведомство по делам всех государств письмо, подвергнув их критике” [Хао Пин, 1998, с. 46].

В 1903 г. Переводческое отделение было преобразовано в Палату обучения переводу (кит. 译学馆, *Исюэ гуань*), где велось преподавание тех же пяти языков, в том числе и русского. Палата просуществовала до 1911 г., пока не была закрыта ввиду дублирования соответствующих отделений иностранных языков Университета: русский язык, в частности, преподавался на отделении русского языка и литературы (кит. 俄国语言文学门, *Эго юйянь вэньсюэ мэнь*) [Му Лэй, 1999, с. 6].

Такова была история первой в империи Цин современной школы иностранных языков и точных наук Тунвэньгуань, созданной в ранний период реформаторского движения “по освоению заморских дел”. Это был первый опыт организации образовательного учреждения, сориентированного на подготовку передовых кадров, способных работать в интересах проводившихся по всему государству преобразований прозападного типа. Началось формирование альтернативной системы образования, в рамках которой во главу угла ставились практические знания, умения и навыки, а не схоластическое конфуцианское образование, готовившее претендентов для сдачи государственных экзаменов.

В Тунвэньгуань впервые в истории китайского образования начали применять комплексный подход к обучению, т.е. параллельно с иностранными языками вводилось преподавание ряда специальных, прежде всего технических, дисциплин. Как языковое учебное заведение школа Тунвэньгуань была более совершенной структурой, чем ранние училища иностранных языков. С самого начала там работали носители преподававшихся языков, причем люди весьма образованные и способные; ученики имели возможность стажироваться в государствах, языки которых они изучали, и на регулярной основе практиковать

управления внешних дел; ряд выпускников работали в различных провинциальных управлениях [*Чжунго цзиньдай сюэчжи шялю*, 1983, с. 279–290].

²⁷ Тот же Шао Хэнцзюнь с поста директора Русского училища в 1917 г. был командирован генеральным консулом во Владивосток. Другой выпускник, Гуй Фан, сначала служил генеральным консулом во Владивостоке, после чего получил назначение на пост губернатора стратегически важной для России китайской провинции Хэйлунцзян [*Чжунго цзиньдай цзяюйши цзыляо хуэйбянь*, 2007, с. 179]. В 1906 г. в ранге посланника в Санкт-Петербург был направлен выпускник и преподаватель Тунвэньгуань Саинту и одновременно во Владивосток – Такшина [Хао Шуся, 2004, с. 61]. В Иркутске служил генеральным консулом выпускник Гуань Шанпин [*Чжунго цзиньдай сюэчжи шялю*, 1983, с. 290].

²⁸ Например, Янь Шуэнь служил на железной дороге Пекин–Ханькоу [там же, с. 281].

²⁹ По данным Доклада первой конференции выпускников пекинской Школы иностранных языков Тунвэньгуань (1916) (кит. 京师同文馆校友会第一次报告书, *Цзинши тунвэньгуань сюэ ю хуэй ди и цы баогаошу*), в общей сложности 40 выпускников (из 91, о которых имелись данные) работали во внешнеполитическом ведомстве Китая. Семь из них дослужились до должностей полномочного министра – посла по особым поручениям или посланника при иностранном дворе. 27 заняли должности в центральных и провинциальных государственных ведомствах, четверо преподавали в вузах и еще 20 трудились на новых производствах [Ли Гоцзюнь, Ван Фаньчжао, 2000, с. 145].

свои знания в Пекине, посещая переговоры цинских властей с иностранцами (благо школа располагалась в здании Главноуправляющего ведомства по делам всех государств).

Важное место в работе Тунвэньгуань занимало преподавание русского языка. Именно работа с этим языком, налаженная в Пекине еще в начале XVIII в., позволила местным администраторам накопить определенный опыт по управлению языковыми учебными заведениями, который всецело был задействован при организации образовательного процесса в Тунвэньгуань. Поставленное нашими соотечественниками преподавание отличалось высоким качеством, было системным.

Предпринимались попытки наладить перевод иностранной научной и учебной литературы. Несмотря на то что перевести удалось лишь одно издание по истории России и сделать опись подаренных цинским властям серии русских книг, важным был сам посыл – включить переводные иностранные пособия в образовательный процесс. Преподавание таким образом становилось более современным и передовым, а получаемые знания – актуальными и востребованными.

Была разработана практика трудоустройства. Выпускники школы работали с русским языком в различных областях – преподавали, передавая свои знания последующим поколениям русистов, служили на государственной и дипломатической службе. Эффективная подготовка русистов началась именно с Тунвэньгуань: ведь, несмотря на более чем полуторавековую историю Школы русского языка, в ней так и не было подготовлено ни одного выпускника, который позже приобрел бы известность первоклассного переводчика или преподавателя русского языка.

В целом создание Тунвэньгуань стало важным шагом на пути модернизации системы образования в Китае. Однако даже столь передовое учебное заведение довольно быстро пришло в упадок и было расформировано, что стало следствием стремительных перемен, происходивших в китайском обществе и вызванных масштабными преобразованиями, в том числе в образовательной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воскресенский А.Д. *Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года*. М.: Памятники исторической мысли, 1995 [Voskresenskiy A.D. *Diplomaticheskaya istoriya russko-kitaiskogo Sankt-Peterburgskogo dogovora 1881 goda*. Moscow: Pamiatniki istoricheskoy misli, 1995 (in Russian)].

Хохлов А.Н. П.И. Кафаров: жизнь и научная деятельность. *П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (к 100-летию со дня смерти)*. Материалы конференции. Ч. I. М., 1979. [Hohlov A.N. P.I. Kafarov: zhizn' i nauchnaia deiatel'nost'. *P.I. Kafarov i ego vklad v otechestvennoe vostokovedenie (k 100-letiiu so dnia smerti)*. Vol. 1. Moscow, 1979 (in Russian)].

Хохлов А.Н. Первый преподаватель русского языка в Пекине А.Ф. Попов. *Вопросы истории*. 2009, № 11 [Hohlov A.N. Pervyi prepodavatel' russkogo iazyka v Pekine. *Voprosy istorii*. 2009, № 11 (in Russian)].

Ван Айай. Цзинши тунвэньгуань ли дэ каоши (Экзамены в пекинской Школе иностранных языков Тунвэньгуань). *Каоши шихуа*. 2008, № 11.

Вань го гунфа (Международное право). Пекин: Чжунго чжэнфа дасюэ чубаньшэ, 2003.

Гу Вэйсин. *Вань цин инъюй цзяосюэ яньцзю* (Исследования преподавания английского языка в поздний период династии Цин). Сучжоу: Сучжоу дасюэ чубаньшэ, 2004.

Ли Гоцзюнь, Ван Фаньчжао. *Чжунго цзяоюй чжиду тунши* (Полная история системы китайского образования). Т. VI. Цзинань: Шаньдун цзяоюй чубаньшэ, 2000.

Ли Лянью, Чжан Жишэн, Лю Ли. *Чжунго инъюй цзяосюэ ши* (История преподавания английского языка в Китае). Шанхай: Шанхай вайюй чубаньшэ, 1988.

Лю Хуа. Лунь тунвэньгуань дэ гаодэн цзяоюй синчжи (О сути высшего образования в пекинской Школе иностранных языков Тунвэньгуань). *Чжэцзян дасюэ сюэбао (жэньвэнь шэхуэй кэсюэ бань)*. 2004, № 1.

Люй Да. Цзинши тунвэньгуань юй во го цзиньдай кэчэн дэ мэнья (Пекинская Школа иностранных языков Тунвэньгуань и зарождение классного образования в Новое время) // *Цзяоюй пинлунь*. 1988, № 6.

Му Лэй. *Чжунго фаньи цзяосюэ яньцзю* (Исследования преподавания перевода в Китае). Шанхай: Шанхай вайой цзяоюй чубаньшэ, 1999.

Пэн Фэйчжан. *Чжунвай тушу цзяолу ши* (История контактов Китая с зарубежными странами в области книжного дела). Чанша, 1998.

Сы Хунчан. Ваньцин синь ши сюэтан дэ цзучжи цзяоу. Цун тунвэньгуань кань 19 шицзи чжун хоуци дэ синьши сюэтан (Структура новых учебных заведений в поздний период династии Цин. Новые учебные заведения середины – второй половины XIX в. с позиции Школы иностранных языков Тунвэньгуань). *Гоцзи цзяоюй синчжэн сюэюань сюэбао*. 2006, № 11.

Ся Дуноань. *Янъу юньдун ши* (История Движения “по освоению заморских дел”). Шанхай: Хуадун шифань дасюэ чубаньшэ, 1992.

Сяо Юйцзо. Шилунь циндай чжунъэ вэньхуа цзяолу дэ бу пинхэнсин (К вопросу о дисбалансе в китайско-российских культурных обменах во время династии Цин). *Шисюэ цзикань*. 2008, № 4.

У Сюань. Цзинши тунвэньгуань шилуэ (История пекинской Школы иностранных языков Тунвэньгуань). *Чжунго цзинь сянь дай чубань шилуэ* (Материалы по издательскому делу в Китае в новое и новейшее время). Т. II. Издание 2. Шанхай: Шанхай шудянь, 2003.

Хао Пин. *Бэйцзин дасюэ чуанбань шиши каюань* (К истокам истории образования Пекинского университета). Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 1998.

Хао Шуся. Цзинши тунвэньгуань дэ эюй цзяосюэ (Преподавание русского языка в пекинской Школе иностранных языков Тунвэньгуань). *Чжунго эюй цзяосюэ*. 2004, № 2.

Хэ Дацзинь. Дин Вэйлян юй цзинши тунвэньгуань (Вильям Мартин и пекинская Школа иностранных языков Тунвэньгуань). *Бэйфан луьцун*. 2005, № 4.

Чжан Дэи. *Оу мэй хуань ю цзи* (Записки о кругосветном путешествии через Европу и Америку). Чанша: Юэлу шушэ, 1981.

Чжан Дэи. *Суй ши ин э цзи* (Записки о посольстве в Британию и Россию). Чанша: Юэлу шушэ, 1986.

Чжан Луин. Шиси Дин Вэйлян юй цзинши тунвэньгуань дэ чуанбань (Вильям Мартин и анализ создания пекинской Школы иностранных языков Тунвэньгуань). *Хэйлунцзян цзяоюй сюэюань сюэбао*. 2009, № 5.

Чжан Хуэйли. Цзинши тунвэньгуань дэ фаньи чубань ходун цзици гунсянь (Переводческо-издательское дело пекинской Школы иностранных языков Тунвэньгуань и ее вклад). *Шаньдун тушугуань сюэкань*. 2010, № 5.

Чжао Пугэнь. Янъу юньдун юй чжунго цзяоюй цзиньдайхуа (Движение “по освоению заморских дел” и модернизация китайского образования). Сучжоу дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань). 1999, № 4.

Чжунвай цзю юэчжан хуэйбянь (Сборник старых договоров и соглашений Китая с иностранными государствами). Цз. 1. Пекин: Саньянь шудянь, 1957.

Чжунго цзиньдай сюэчжи шилуэ (Исторические материалы по системе образования в Китае в новое время). Первое издание. Т. I. Шанхай: Хуадун шифань дасюэ чубаньшэ, 1983.

Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзыляо хуэйбянь. Янъу юньдун шици цзяоюй (Сборник материалов по истории образования в Китае в новое время. Образование в период Движения “по освоению заморских дел”). Шанхай: Шанхай цзяоюй чубаньшэ, 2007.

Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзяосюэ цанькао цзыляо (Справочные материалы по преподаванию истории образования в Китае в новое время). Т. I. Пекин: Жэньминь цзяоюй чубаньшэ, 1986.

Чжунго цзяоюй ши яньцзю. *Цзиньдай фэнь цзюань* (Исследования истории образования в Китае. Раздел “Новое время”). Шанхай: Хуадун шифань дасюэ чубаньшэ, 2009.

Чжэн Шичан, Ли Яси. *Лю су цзяоу ши гао* (Черновые наброски по истории обучения в Советском Союзе). Харбин: Хэйлунцзян цзюй чубаньшэ, 2001.

Чоубань цу шимо, *Тунчжи чао* (Полное изложение сведений по ведению дел с варварами в правление Тунчжи). Т. I–II, IV. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2008.

Чэнь Сяньян. Лунь цзинши тунвэньгуань дэ ян цзяоси (Об иностранных преподавателях пекинской школы иностранных языков Тунвэньгуань). *Чунцин шэхуэй кэсюэ*. 2007, № 10.

Чэнь Сяньян. Цзинши тунвэньгуань дэ сюэшэн гуаньли (Управление учащимися в пекинской школе иностранных языков Тунвэньгуань). *Гуанчжоу дасюэ сюэбао (шэхуэй кэсюэ бань)*. 2011, № 4.

Юй Лэй. Циндай цзинши тунвэньгуань дэ фань шицзянь юй вайюй цзяюй (Практика перевода и преподавание иностранных языков в пекинской школе иностранных языков Тунвэньгуань во время династии Цин). *Ланьтай шицзе*. 2010, № 15.

Ян Жунцзюнь. Цзинши тунвэньгуань цзици цзай чжунго цзиньдай цзяюй ши шан дэ дивэй (Пекинская школа иностранных языков Тунвэньгуань и ее место в истории образования в Китае в новое время). *Лиши сюэси*. 2002, № 1.

Biggerstaff K. *The Earliest Modern Government Schools in China*. N.Y.: Cornell University Press, 1961.

Biggerstaff K. Тунвэньгуань као (Разыскания о школе иностранных языков Тунвэньгуань). *Чжунго цзинь сянь дай чубань шиляо* (Материалы по издательскому делу в Китае в новое и новейшее время). Т. II. Издание 2. Шанхай: Шанхай шудянь, 2003.

Liu Kwang-Ching. *American Missionaries in China. Papers from Harvard Seminars*. Cambridge: The East Asian Research Center Harvard University, 1966.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

АВПРИ – Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 161 (Санкт-Петербургский Главный архив), П–12, оп. 52, д. 1 (“Об училище русского языка при Китайском Министерстве Иностранных Дел и о бывших при оном учителях: Надворном Советнике Афанасии Попове, Иеромонахе Александре и Титулярном Советнике Вебере, 1862 г.”), 5 февраля 1863 – 23 апреля 1871 гг.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 730 (Фонды личного происхождения. Игнатъев Николай Павлович, 1832–1908), оп. 1, д. 3695 (Попов Афанасий. Письма Попова Афанасия Игнатъеву Николаю Павловичу), 1 июня 1860 – 18 февраля 1869 гг.

ГНБ КНР, ЗДА – Государственная национальная библиотека КНР, зал древних актов. Цзэндин тунвэньгуань чжанчэн (Дополненный устав Школы иностранных языков Тунвэньгуань). Цз. 1, Пекин: издательство Тунвэньгуань, 1875–1908. Шифр хранения: гуцзи 14326. *Тунвэньгуань чжанчэн цзи сюйцзэн тяокуань* (Устав Школы иностранных языков Тунвэньгуань и дополнительные к нему статьи). Цз. 1, Пекин: издательство Тунвэньгуань, 1875–1908. Шифр хранения: гуцзи 47195. *Тунвэньгуань тимин лу, ди сы цы* (Журнал пекинской Школы иностранных языков Тунвэньгуань, четвертая серия). Цз. 1. Пекин: издательство Тунвэньгуань, 13-й год Гуансюй (1887). Шифр хранения: гуцзи 11315. *Тунвэньгуань тимин лу, ди лю цы* (Журнал пекинской Школы иностранных языков Тунвэньгуань, шестая серия). Цз. 1. Пекин: издательство Тунвэньгуань, 22-й год Гуансюй (1896). Шифр хранения: гуцзи 11314. *Синьцзян чжунхэ сюэтан баогаошу* (Доклад о Синьцзянской китайско-русской школе). Цз. 1. Б/м.: издательство Синьцзян чжунхэ сюэтан, 3-й год Сюаньтун (1911). Шифр хранения: гуцзи 12975. *Цзиши тунвэньгуань сюэ ю ди и цы хуэй баогаошу* (Доклад первой конференции выпускников пекинской Школы иностранных языков Тунвэньгуань). Цз. 1. Пекин: издательство Тунвэньгуань, 1916. Шифр хранения: гуцзи 10793.

ЦГИА СПб. – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 412 (Санкт-Петербургский учительский институт), оп. 1, д. 888 (“О прикомандировании к Институту китайских студентов для изучения некоторых предметов институтского курса”), 1 октября 1897 – 17 февраля 1911 гг.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛАПИН Павел Андреевич – кандидат исторических наук, руководитель группы гуманитарного сотрудничества и информации Посольства России в Китае.

Pavel A. LAPIN – PhD (History), Head of the group on humanitarian cooperation and information at the Russian Embassy in Beijing, China.